

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ «С КИТАЙСКОЙ СПЕЦИФИКОЙ»

Корсун В. А.

Содержание процесса принятия решений в Китае и особенности китайской стратегической дипломатии анализируются в статье на базе углубленного экскурса в историю эволюции «Конфуцианского способа управления», существенно отличающегося от европейских образцов. По мнению автора, в Китае сложилась не политическая культура, а некая специфически китайская модель административного поведения, основанная на «моральном консенсусе» различных кланов правящей элиты, возглавляемой ныне Ху Цзинтао. Современный режим партюкратии КНР унаследовал все негативные черты советской «номенклатуры», но создал специфически китайскую систему институционализации и «мягкой» гармонизации интересов государства и общества. Тем не менее, возрастание стратегической мощи Китая и усложнение его социально-экономических структур ставят в повестку дня складывание новой нетрадиционной политической системы, необходимой для своевременной диагностики, смягчения и решения новых внутренних и внешних проблем.

Без понимания проблем внутренних истоков и мотивов внешней политики КНР, трансформации системы формальных и неформальных органов и структур, принимающих постоянное участие в процессе разработки и осуществления тех или иных внешнеполитических решений сегодняшнего Китая, невозможно поддержание стабильного конструктивного диалога с нашим великим соседом. В свою очередь, систематизированное осмысление и адекватная оценка состояния современного внешнеполитического процесса Китая, а также самоощущения представителями правящей элиты КНР себя и своего места в сегодняшнем мире немислимы, особенно в условиях известного дефицита транспарентности механизма принятия Пекином политических решений, без весьма пространного и углубленного ретроспективного анализа. Создание единой империи Цинь в 221 г. до н.э. похоронила перспективу формирования на китайском поле некоего подобия версальской модели европейского «концерта наций-государств», закрепив концепцию «Китай-варвары» и консервировав пребывание китайского суперэтноса в состоянии локальной цивилизации первичного типа, т.е. цивилизации «до-осевого времени», для которой характерна тесная спаянность имперскости с религией в некий политико-культурный комплекс, прямо включающий в себя обожествление правителя. Оплодотворившее Китай

конфуцианское социально-этическое учение, приобретшее со временем универсалистское значение, далеко выходящее за страновые рамки, придало китайской государственной конструкции уникальную стабильность. Оно сыграло роль того духовного «прорыва», или «озарения», которое дало специфически китайский ответ на сформулированную К. Ясперсом и его последователями философу «напряженности между мирским и трансцендентальным порядками в ее институциональном отражении, породившем новый тип социальной и цивилизационной динамики в истории человечества»¹.

Китай на протяжении тысячелетий был велик и обеспечивал «запас прочности», устойчивости китайской государственности не своим могуществом, а «духовным обручем» конфуцианства, склонного к гармонизации миропорядка и к компромиссам во имя самосохранения в любой ситуации. Учение Конфуция с его идеалом «государства-семьи» во главе с совершенным и справедливым правителем, опирающимся на честных, благородных и мудрых чиновников, не знающих других помыслов, кроме как «служить народу», выступало в качестве регулятора практически всех аспектов «китайского образа жизни», но, при этом неизменно экстраполировало китайскую модель упорядоченного, иерархического социума, в котором каждый обязан неукоснительно выполнять

Научные школы МГИМО

ту социальную роль, которая ему предназначена «предопределением» («мин»), на весь окружающий Китай мир. Подлинным стержнем подобной иерархизированной идеократии у конфуцианцев выступают, конечно же, не народные низы и простолюдины, «свокорыстные и не ведающие человеколюбия», а когорта «аристократов духа», отгородившаяся от народа китайской стеной иероглифической грамотности и выполняющая функцию «жрецов хранителей огня», строго следящих за соблюдением правителем высоких стандартов «благородного мужа – цзюньцзы». Нерасчлененное моноцентрическое пространство управления в этом плане исключает сколько-нибудь широкое участие масс и представляется исключительно в виде сферы деятельности центрального чиновничьего аппарата и региональных кланов, которые по мере удовлетворения верховной властью их запросов отказываются от каких-либо политических амбиций и довольствуются подменой политики администрированием. Китайский император, воплощавший в одном лице и верховного жреца и администратора, и главного мудреца, литератора и мецената, и главнокомандующего, и верховного арбитра, выступал в роли гаранта сохранения государственного ядра против любой энтропии. Следует подчеркнуть, что само богатство истории, а вернее «историческая память» о великих достижениях прошлого на уровне общественного и индивидуального сознания, выступает мощным консолидирующим фактором, а также формой психологической защиты и идентификации социума. История, таким образом, лишает функциональной значимости «политику», которая в западном понимании этого слова в принципе чужда китайской культуре, ибо государство в Китае всегда было институтом скорее этическим, чем политическим.

Конфуцианская сентенция «истинный владыка ничто не считает внешним» предопределила специфику этноцентризма в его китайском варианте, с рецидивами которого приходится и еще не раз придется сталкиваться в настоящем и будущем. Нормы и институты «китайского мирового порядка» реально существовали, выполняя на протяжении беспрецедентно длительного периода очень важную функцию обеспечения устойчивости и предсказуемости ситуации за счет той или иной приобщенности правителей «данников» к величию китайской империи в огромном регионе земного шара, известной китайцам как «Поднебесье» (Тянься). В результате, вплоть до XIX в. мы имеем дело с феноменом отношений, ставящих «варваров четырех сторон света», ассимилируемых Китаем культурологически и биологически, в положение

«данников» по отношению к «Срединному государству», достаточно описанным в отечественном китаеведении².

Практика контактов «Срединной империи» как с ближними, так и с дальними «вассалами» свидетельствует о том, что, по сути, к «варварской периферии» относились так же, как к китайским провинциальным структурам, только более низкого уровня, в рамках некоего единого идеологического канона и кодекса поведения. Вопросами приема «миссий с данью» в рамках протокола «коутоу», вручения правителям «варваров» инвеституры, т.е. лицензии на правление, а также титула и соответствующего ранга в китайской иерархии на протяжении многих веков занимались различные органы центрального Ведомства Церемоний (Либу). Так, контактами с Московским царством ведала учрежденная маньчжурами еще до вторжения в Китай в 1638 г. Палата по управлению вассалами (Лифаньюань), которая курировала отношения со всеми северными соседями Китая – осколками «монгольского мира» – вплоть до 1858 года. Примечательно, что первый русско-китайский Нерчинский договор 1689 года и ряд других трактатов были подписаны не специальными эмиссарами трона, а по поручению китайского императора местными генерал-губернаторами и их представителями. Вплоть до 1860 года маньчжурское правительство отказывалось вести прямые переговоры и подписывать договоры с русскими посланниками, равно как и с дипломатами всех других держав, добивавшихся отмены унижительного «даннического» ритуала, обмена постоянными посольствами и, (о ужас!), равенства в подлинно договорно-дипломатических отношениях³.

В результате «опиумных» войн была пробита первая брешь в «системе вассалитета», а колониальное вторжение европейских держав и Японии в сферу культурного и политического влияния Китая поставило под сомнение незыблемость и всеобъемлющий характер этой китайской теории и практики «китайского мирового порядка». Однако насильственный, военно-силовой характер воздействия и навязывание Китаю новых для него норм и институтов международных отношений, (в китайской иероглифике буквально – «межгосударственные отношения»), вызвали ответную реакцию «отторжения» чуждой модели поведения и форсированную апелляцию к морально-этическим категориям в условиях, когда в плане экономической и военной мощи Китай мало что мог противопоставить западным державам и Японии. Институциональной «уловкой» маньчжурского двора стало учреждение в Пекине в 1861 г. в рамках политики «самоусиления»,

так называемой, «Канцелярии по общему управлению делами различных стран» (Цзунли гэго шиу ямынь, сокр. Цзунли ямынь), которая была призвана в глазах иностранцев играть роль прообраза «министерства иностранных дел» (на самом деле все вопросы внешних контактов решал состоящий исключительно из маньчжурских аристократов императорский Военный совет), а контакты Китая с окружающим миром представить как в буквальном смысле внешнюю политику. «Цзунли ямынь», решавшая утопическую задачу изоляции пришедших со стороны моря «восточных варваров» от китайского социума, ведала делами только европейских стран и США, (вопросами Японии негласно занимался Русский отдел), в то время как «старыми вассалами» и протокольным оформлением получения «дани» от них продолжали заниматься «Ведомство церемоний», «Лифаньюань» и провинциальные власти. В итоге 40 лет своего функционирования, характеризовавшегося косностью и кичливостью, бесконечными проволочками и негибкостью, коррупцией и безответственностью, «Канцелярия» окончательно дискредитировала себя перед европейцами, осознавшими, что ей отводится лишь роль некой «ширмы» между державами и императором, стремившимся сохранить себе свободу рук для «реванша». После подавления восстания «ихэтуаней» в соответствии со специальным 12-м пунктом «Заключительного протокола» 1901 г. вместо «Цзунли ямыня» было создано «Министерство иностранных дел» («Вайубу») по европейскому образцу⁴.

Синьхайская революция 1911 года, положившая конец правлению маньчжурской династии Цин и завершившая очередной династийный цикл в истории Китая, по сути, не сумела реализовать программу построения первой в Азии Китайской республики, ибо ее реальным результатом явилось лишь понижение уровня деспотии, когда после снятия общекитайского колпака централизованной империи на ее месте появилось несколько еще более деспотических пирамид власти. Крах бюрократической пирамиды и традиционных устоев, отмена экзаменационной системы, всеобщий хаос и отчаяние канализировали устремления целых поколений молодых амбициозных китайцев, в первую очередь из среды оказавшихся не у дел представителей служилого сословия «шэньши», на стезю профессиональных революционеров и/или милитаристов. С другой стороны, складывалась система сращивания традиционно политически нейтральных предпринимательских кругов «буржуазных анклавов» Китая (в первую очередь Шанхая) с гоминьдановской правящей прослойкой, что удачно было определено выдающимся отечественным

китаеведом А. В. Меликсетовым как обладающий огромным объясняющим потенциалом и для сегодняшнего Китая феномен «китайского бюрократического капитала», олицетворяющий «единство власти и собственности, политики и экономики, базиса и надстройки»⁵. Объединение Китая в результате «Северного похода» под властью Гоминьдана в 1927 г. не привело к превращению МИД в Нанкине в творца внешней политики. На министерство возлагались в основном протокольные функции, а задачи отмены «неравноправных договоров» и становления Китая великой державой, а также дипломатического противодействия японской агрессии решались, главным образом, на уровне личных эмиссаров Чан Кайши, сосредоточившего в своих руках посты председателя Национального правительства, председателя Военного совета обороны, председателя ЦИК Гоминьдана, а также главнокомандующего вооруженными силами Китайской Республики. Концентрации в одних руках всех внешнеполитических рычагов и контактов способствовала традиционная бюрократическая вертикаль власти в рамках системы «пяти властей», что усугублялось личными амбициями Чан Кайши и его всепоглощающим желанием снискать себе непререкаемый международный авторитет⁶.

История Китая XX века свидетельствует не о «ломке» и «вымывании» архаичных структур и представлений, а скорее об их трансформации и послонном «нанизывании» на некий китаецентристский стержень. Китайская традиционная культура оказалась недостаточно гибкой, слабо расчлененной, слишком высокомерной и этноцентричной для того, чтобы быстро воспринять и «переварить» обрушившийся на нее поток разнообразных «образцов поведения». Динамизм внутренних и внешнеполитических событий новейшего времени не давал возможность «передохнуть» и провести тщательную селекцию и дозированную апробацию заимствуемых идей и институтов, особенно в сфере международного общения. Даже самые радикальные идеологические концепции, от либерально-капиталистических до социалистических и анархистских, типологически не могли выйти на китайской почве за рамки конфуцианской парадигмы. Свидетельством этому может служить то, что ставших непримиримыми идейно-политическими течениями – «националистическим» и «коммунистическим», персонафицированными Чан Кайши и Мао Цзэдуном – Гоминьдан и КПК роднила уверенность, что в силу особых морально-этических качеств китайцев тотальное регулирование всей жизни мощным государством, («искусственный прогресс») – по Сунь

Научные школы МГИМО

Ятсену) способно в кратчайшие сроки обеспечить «скачок» Китая в его экономическом развитии, а «политическая опека» над не готовым к демократии народом со стороны «партии-поводыря» приведет темные массы сначала к «малому благоденствию» (Сяокан), а в итоге к светлому будущему «Великой гармонии» (Датун).

Наступивший с победой КПК в гражданской войне «советский сезон» в эволюции китайского социума, проходивший под знаком культивирования «китаизированного марксизма» Мао Цзэ-дуна, явился, по сути, реанимацией китаецентристских воззрений, как бы обретших «второе дыхание». Оказавшись в рамках коммунистической парадигмы, новый режим, определяющий себя как «демократическая диктатура народа», не мог не привлекать к управлению остатки прежней гоминьдановской бюрократической машины, а в пропаганде сочетал лозунги классовой борьбы с традиционными идеями, противопоставляющими «китайский путь» развитию всего остального человечества. Марксистская концепция стадийно-формационного социального развития, выстраивающая некую градацию народов и стран по критерию «классовой» и иной «зрелости» на столбовой дорожке к «коммунизму», очень хорошо коррелировала с «китайским мировым порядком» и, несомненно, способствовала его «рецидивам» на новом этапе. Конструкции взаимоотношений, детерминированных идеологическими факторами и личностными отношениями партийных вождей и идеологов, и описываемых китайской пропагандой в таких априорно иерархизированных категориях, как «старший брат», «партия-отец», «третий мир», «сверхдержава», «гегемонизм» и т.п., неизменно вызывают ассоциации с традиционным прошлым. Оказавшись между «жерновами» идеологической и военно-политической конфронтации биполярного мира, Китай, материковая часть которого была объединена под властью КПК, а остров Тайвань осталась под контролем Гоминьдана, приступил к сложному и трудному поиску путей преодоления многовековой отсталости и осуществления всесторонней модернизации страны.

КНР конституировалась как республика советского типа, для которой характерно формальное верховенство представительных органов над иерархической системой других органов государства, объединение представительных органов в иерархические системы со строгим подчинением нижестоящих вышестоящим, осуществление многих полномочий представительных органов, в том числе и в сфере международных отношений, более узкими составами

партийного руководства или исполнительными структурами. «Советская эпоха» в эволюции китайской государственности, заставшая Китай в период, когда китайский социум с особой жадностью впитывал все, что приходило из практически «единственной заграницы» – СССР, поражает той легкостью, с которой Пекин воспринял «сталинскую модель» социально-экономического развития со всеми ее органическими противоречиями и пороками, и эти советские образцы до сих пор, даже после дистанцирования КПК от КПСС в 1960-е годы и вступления страны в «эпоху экономической реформы и открытости вовне» после 3-го пленума 11 созыва ЦК КПК (декабрь 1978 г.), пронизывают буквально все «поры» «социализма с китайской спецификой»: политические и экономические институты, процедуры келейного принятия решений, науку, изобразительное искусство, музыку, балет и даже цирковое искусство. Объясняется это тем, что все атрибуты «реального социализма» удачно ложились на идеальные представления китайской традиции от конфуцианского этатизма до даосского эгалитаризма. Не случайно, наиболее скрупулезно новая коммунистическая элита Китая восприняла советскую номенклатурную систему льгот и привилегий, спецраспределителей и спецпайков, кассового бронирования, эксклюзивного «цековского» здравоохранения и отдыха. Внешнеполитическая деятельность и, особенно заграничные командировки, стали важной составляющей данной системы привилегий и блага, что обусловило превращение этой сферы в наиболее пронизанную nepотизмом и коррупцией часть китайского социалистического образа жизни.

Гипертрофированное стремление к самостоятельному подходу ко всем международным проблемам, обостренное чувство престижности и независимости, боязнь полной идентификации позиции КНР с позицией любой другой державы стали стилем китайской дипломатии сегодня. Прагматизм, малая выразительность и недостаточная акцентированность современного внешнеполитического курса Пекина, всячески отрешивающегося от роли какого-либо лидера или «сверхдержавы», заставляют задуматься над тем, является ли это временной тактикой «замирания империи», готовящейся к реализации формулы «XXI век – век Большого Китая», или же китайское руководство намерено всерьез и надолго довольствоваться ролью не более чем одного из полюсов в «многополюсном мире». Настоящий «бум» культурологических публикаций, который породили экономические успехи китайской реформы и в которых совершенно некритически

«поднимаются на щит» абсолютно все элементы традиционного наследия и предпринимаются поиски некой вдохновляющей «китайской идеи», укладываемой в концепцию «социалистической духовной цивилизации», является ненадежным ориентиром в ответе на этот вопрос. Складывается впечатление, что единственное, что остается вне сферы полного контроля всемогущего партократического режима, это этноцентрические представления китайского населения, прочно осевшие в глубинах исторической памяти, или, в терминах Карла Густава Юнга, «коллективного бессознательного», но готовые вырваться наружу при любом очередном критическом повороте в жизни китайского социума. Итогом возрождения китаецентристской парадигмы является торможение процесса формирования в Китае поистине гражданского общества, наиболее чуткого, как свидетельствует мировой опыт, к внешним «вызовам» и «сигналам».

Говоря о правовых аспектах и институциональной базе внешнеполитического процесса КНР следует отметить повышение после катаклизмов «культурной революции» значимости в определении и реализации внешней политики центральных органов государственной власти – ВСНП и Председателя КНР, функции и полномочия которых зафиксированы в ныне действующей Конституции 1982 года, как высших носителей государственного суверенитета, от лица которых осуществляются внешние сношения Китая. Вместе с тем, роль внешнеполитического механизма в государственно-правовой структуре КНР, а также характер функций деятельности его отдельных элементов определяются тем, что инициатива и принятие решений по крупным внутренним и внешнеполитическим вопросам продолжают оставаться прерогативой довольно узкого слоя партийного руководства, роль, авторитет и влияние отдельных представителей которого (например, таких харизматических личностей как Дэн Сяопин) существенно превышают их номинальные должностные полномочия.

Среди сюжетов относящихся к исключительной компетенции китайского парламента – Всекитайского собрания народных представителей, учрежденного в соответствии с еще первой конституцией КНР 1954 года, находятся вопросы войны и мира, а также вопросы представительства КНР в международных отношениях. На своих ежегодных сессиях ВСНП заслушивает отчеты о работе высших органов государства, в т.ч. «Доклад о работе правительства» премьера Госсовета, один из разделов которого обязательно посвящен международным вопросам, а на 1-й сессии очередного

созыва избирает членов Постоянного комитета ВСНП, членов 9 постоянных парламентских Комиссий, в т.ч. Комиссий по международным делам (создана в 1983 г.) и по делам китайских граждан за границей, высших государственных должностных лиц, утверждает состав Госсовета и Центрального военного совета. В межсессионные периоды ПК ВСНП ведает в сфере внешней политики, в качестве органа, санкционирующего действия правительства, вопросами ратификации и денонсации международных договоров и важных соглашений КНР (так, например, от имени ПК ВСНП 3 апреля 1979 г. было заявлено о решении не продлевать Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи с СССР от 1950 г.), утверждает назначение министров, определяет систему дипломатических рангов, принимает решения о назначении и отзыве полномочных представителей в иностранных государствах. В период между сессиями ВСНП его Постоянный комитет, председателем которого является ныне У. Банго, принимает решение об объявлении войны в случае внешней агрессии или необходимости выполнения международных договорных обязательств по совместной обороне. В свете активизации межпарламентских связей Китая в составе канцелярии ПК ВСНП созданы Отдел внешних сношений, а также Группы по дружественным связям ВСНП с отдельными зарубежными странами, курируемые одним из заместителей Председателя. В случае необходимости к работе постоянных комиссий ВСНП с совещательным голосом могут привлекаться крупнейшие специалисты и эксперты, не являющиеся депутатами. На отдельные пленарные заседания сессий ВСНП приглашаются представители дипкорпуса, а также аккредитованные в Пекине представители иностранных телеграфных агентств и прессы. В 1980-е годы, особенно в период, когда председателем ПК ВСНП был Цяо Ши, стремящийся вместе с парламентом повысить и свой собственный политический вес, предпринимались целенаправленные усилия по превращению ВСНП из органа с номинальной ролью в действительно влиятельную структуру, определяющую в том числе и внешнеполитический курс. Однако после известных трагических событий на площади Тяньаньмэнь в мае—июне 1989 г., когда наметился явный отход от курса на «примат Закона» и разграничение функций партии и государства, и заговорили о неприемлемости для Китая западных политических моделей, ВСНП вновь стало выступать в роли лишь некоего «резинового штампея», автоматически легитимизирующего все решения партийных органов. При этом сохраняется важность соотношения официальных и структурных вертикальных взаимодействий, определенных

Научные школы МГИМО

Конституцией и важнейшими законодательными актами, с неофициальными, в том числе земляческими, клановыми, групповыми и межличностными связям и отношениями, складывающимися на высшем уровне управления.

Специфическим элементом представительной системы КНР выступает существующий параллельно с парламентом *Народный политический консультативный совет Китая* (НПКСК), являющийся организационным оформлением «широкого патриотического Единого фронта». Он охватывает представителей КПК и еще восьми «демократических партий», общественных («народных») организаций, «объединяющих всех социалистических тружеников, поддерживающих социализм, и патриотов, поддерживающих объединение Родины», в духе курса на «длительное сосуществование, взаимный контроль, искренний обмен мнениями, общее сопереживание радостей и невзгод». НПКСК, как это зафиксировано в Уставе Совета, призван содействовать решению внутренних и внешних задач путем «регулярных политических консультаций и демократического контроля в отношении важнейших политических установок». Не вдаваясь в подробности механизма «общественных консультаций и диалога», отметим только, что многие важнейшие, в том числе внешнеполитические, вопросы обсуждаются на сессиях НПКСК, предшествующих сессиям ВСНП, а на заседаниях ПК ВСНП приглашаются члены высшего органа НПКСК – Всекитайского комитета, формируемого из представителей КПК, демократических партий, общественных организаций, национальных меньшинств, религиозных кругов, деятелей культуры, науки и искусства, представителей соотечественников с Тайваня, из Сянган и Аомэня, а также вернувшихся на родину соотечественников («гуйцяо») и специально приглашенных деятелей (в том числе и зарубежных китайцев – хуацяо). Постоянный комитет ПК НПКСК в составе Председателя (Цзя Цинлинь), 28 заместителей председателя и начальника секретариата имеет возможность направлять и координировать специфический комплекс «народной дипломатии», отличающийся от «правительственной дипломатии» механизмом внешнеполитической деятельности, конкретными задачами, методами и объектами воздействия. Практическую деятельность по осуществлению «народной дипломатии» ведут специальные органы, внешне не связанные с партийным и государственным аппаратом, такие как Китайское народное общество дружбы с заграницей, Китайское народное общество изучения внешних сношений, Китайская ассоциация международного обмена,

Китайская ассоциация международных дружественных контактов, Китайский центр международного культурного обмена, Китайский комитет содействия развитию международной торговле и многие, многие другие, а также религиозные ассоциации и международные отделы всекитайских общественных организаций. Среди 15 рабочих групп и 3 комитетов аппарата ПК ВК НПКСК непосредственно международной деятельностью занимаются Исследовательская группа по международным проблемам, Группа по делам хуацяо, Рабочая группа объединению родины и Рабочая группа по иностранным делам (создана в 1983 г.). Потенциал влияния НПКСК на внешнюю политику КНР был существенен в периоды нахождения страны в международной изоляции и применения против Пекина международных санкций, но по мере стабилизации внешнеполитического процесса КНР Совет и его структуры начали играть лишь вспомогательную и номинальную роль. Даже контакты с хуацяо и соотечественниками на Тайване, в рамках возобновившегося после победы гоминьдановского лидера Ма Инцзю на тайваньских президентских выборах в марте 2008 года диалога между неправительственными Фондом развития связей между сторонами Тайваньского пролива (Тайвань) и Ассоциацией развития связей через Тайваньский пролив (КНР), курируются непосредственно центральными ведомствами ЦК КПК и Госсовета.

Не следует также переоценивать значимость во внешнеполитическом механизме Китая института *Председателя КНР*, которым ныне является Ху Цзиньтао (его заместитель – Си Цзиньпин). Председатель КНР, в случае, если бы он не был одновременно Генеральным секретарем ЦК КПК, выступал бы скорее в роли «свадебного генерала», выполняя представительские функции в международных отношениях, нежели генератора внешнеполитических инициатив. В его компетенцию входит назначение и смещение премьера Госсовета и подчиненных ему лиц, введение чрезвычайного и военного положения, объявление состояния войны и т.п., но только на основе решений ВСНП и ПК ВСНП. В области внешних сношений Председатель КНР в соответствии со статьей 81 Конституции «представляет КНР, принимает дипломатических представителей иностранных государств, на основании решений ПК ВСНП направляет и отзывает полномочных представителей в иностранные государства, ратифицирует и денонсирует договора и важные соглашения, заключенные с иностранными государствами». В случае отсутствия Председателя его функции выполняет заместитель, избираемый так же, как

другие лица, занимающие высшие должности, со сроком полномочий 5 лет, но не более чем на 2 срока подряд. Помимо функций церемониального и протокольного характера Председатель КНР, как формальный глава государства, поддерживающий отношения с иностранными контрагентами на паритетных началах, может, даже когда это буквально не зафиксировано Конституцией, непосредственно вступать в контакты с зарубежными государствами в лице их глав и руководителей высших органов по вопросам внешней политики, а также оформлять с ними различные межгосударственные договоренности. Он скрепляет своей подписью важнейшие договоры, внешнеполитические акты, телеграммы и заявления.

Какая же структура реально является политической кухней, где буквально «делается» внешняя политика сегодняшнего Китая? В целом, в отличие даже от СССР и других бывших «стран народной демократии», политический строй КНР всегда характеризовался особым переплетением функций партийной номенклатуры (председателем КПК до самой смерти являлся Мао Цзэдун), государственных органов (премьером Госсовета долгие годы был Чжоу Эньлай, а Председателем КНР – Лю Шаоци), вооруженных сил и спецслужб (их курировал Кан Шэн). Фактически сегодняшняя пореформенная КНР продолжает оставаться партokratическим и идеократическим государством мобилизационного типа, где все властные полномочия принадлежат центральным и местным структурам правящей партии – КПК, насчитывающей сегодня уже более 76 млн членов. Хотя сами партийные органы формально непосредственно не осуществляют государственную власть в сфере внутренней и внешней политики, и декларации Устава КПК и Конституции КНР о руководящей роли КПК не раскрываются в полной мере в государственных законах и нормативных актах, документы и решения съездов КПК, пленумов ЦК КПК, а также постановления, решения, циркуляры, директивы ЦК КПК по различным партийным и политическим вопросам (практикуется также принятие «совместных» решений партийными и госорганами) доносятся до всех органов и организаций в центре и на местах через структуру партийных комитетов и партийных функционеров и автоматически становятся руководством к действию для всех граждан КНР. Сами «правила и распорядки» процесса преобразования партийных решений в «государственную волю» и внедрения их в общественное сознание и в политическую жизнь остаются скрытой от непосвященного взгляда загадкой китайской бюрократии, над которой бились многие зарубежные исследователи⁷.

Существующие, помимо КПК, восемь некоммунистических партий под названием «демократические партии», действующие в рамках формулы «многопартийного сотрудничества и политических консультаций под руководством КПК», а также многочисленные общественные организации и беспартийные массы не играют скольконибудь существенной роли в политической жизни страны и не рассматриваются оппозицией правящей партии. На самом деле все важнейшие вопросы любого министерства или иного центрального ведомства всегда решались партийной группой руководства, в которую министр-некоммунист, если таковые случаи и имели место, не входил. По мере эволюции государственной структуры КНР практика занятия некоммунистами ключевых постов становится все большей экзотикой. В настоящее время важным инструментом партийного влияния является практика совмещения руководителями постов главного менеджера и секретаря парткома, а также создание в соответствии с Уставом КПК, наряду с парткомами, «партийных групп руководства» в аппарате центральных и местных государственных органов, хозяйственных и культурных учреждениях, негосударственных и иных непартийных организациях. Одновременно с этим, во всех коммерческих и некоммерческих структурах, даже в фирмах со 100 %-м иностранным участием, созданы партиячейки КПК, строго осуществляющие партийный контроль за их деятельностью. Очевидно, что механизм направлений и форм влияния КПК на политические институты, государственный аппарат, общественную жизнь и внешнюю политику страны определяется самой структурой партийного Центра, т.е. аппарата ЦК КПК. Заимствованный из практики ВКП (б) «демократический централизм», являющийся руководящим принципом организационного строения КПК, хорошо ложится на китайскую традицию авторитаризма и приводит к тому, что политические установки, первоочередные и перспективные задачи зарождаются в среде первого руководящего лица в партии, в его техническом аппарате, и потом лишь утверждаются на различных партийных форумах.

Центральный Комитет КПК в периоды между созываемыми раз в пять лет съездами партии, на которых в отчетном докладе озвучиваются основные приоритеты КНР во внешней политике, через Политбюро ЦК, его Постоянный комитет, Секретариат ЦК (был восстановлен в 1980 г. в функции посредника между ЦК и Госсоветом), а также Генерального секретаря ЦК (пост Председателя КПК был упразднен в 1982 году) созывает пленумы, проводя в жизнь решения съездов. Он руководит

Научные школы МГИМО

текущей работой партии и через курируемый Секретарем по международным вопросам и «Руководящей группой по внешнеполитическим делам при ЦК КПК» Отдел международных связей (завотделом Ван Цзяжуй) ЦК представляет КПК во внешних сношениях. Не случайно на протяжении 1990-х годов китайская дипломатия упорно искала на российском направлении адекватного внешнеполитического партнера КПК в лице некой правящей партии, а параллельно с этим, официальные регулярные контакты с КПРФ ЦК КПК установил, опасаясь негативной реакции Кремля, только в 1998 году. Фактическое слияние партийных и государственно-административных функций в условиях КНР предопределило то, что ответработники региональных департаментов аппарата Отдела международных связей ЦК, призванного обеспечивать контакты КПК с более чем 290 зарубежными политическими организациями, практически, наряду с сотрудниками Орготдела («кузница партийных кадров»); Отдела пропаганды (где с 1980 г. имеется Бюро внешней пропаганды с подчиненными ему главными печатными органами (органами ЦК являются газеты «Жэньминь жибао», «Гуанмин жибао» и журнал «Цюши»), Иновещанием и агентствами, зарубежные представительства которых зачастую, в условиях отсутствия дипломатических отношений, например корпункт агентства «Синьхуа» (переведено в ведение Госсовета в 1983 г.) в Гонконге, выполняли посольские и консульские функции); По работе с Единим Фронтом (курирует «народную дипломатию», а также зарубежные контакты по линии Китайского союза коммунистической молодежи, Всекитайской федерации женщин, Всекитайской федерации профсоюзов, Всекитайской ассоциации промышленников и торговцев); Исследований (отвечает за подключение научного потенциала к обработке информации), а также аппарата Центральной комиссии по проверке дисциплины ЦК на практике выступают в качестве лиц, формулирующих национальные интересы Китая. Ведь именно штат высококвалифицированных профессионалов-международников, сосредоточенных в этих структурах, координирует сбор, обработку, анализ и обобщение данных, как политического, так и все чаще экономического характера, поступающих от внешнеполитических и внешнеэкономических ведомств и организаций и их зарубежных представительств, различных НИИ и исследовательских центров, легальных и нелегальных журналистских и/или разведывательных источников, физических лиц, командированных за рубеж или вступавших в контакты

с иностранцами и т.п. На штат сотрудников ЦК возлагается задача обеспечения приглашения практиков и экспертов, представителей практически всех заинтересованных ведомств, крупнейших специалистов по внешнеполитическим вопросам, в т.ч. системы ООН, для участия в заседаниях, на которых методом «мозговой атаки» анализируют различные проблемы, обмениваются мнениями и согласовывают свои шаги, вырабатывают коллективные рекомендации по решению конкретных вопросов. А главное, данные оперативные работники готовят основные материалы в виде «сухих» аналитических справок к заседаниям «Руководящей группы», Секретариата и Политбюро, что позволяет им оказывать известное влияние на характер и формулировки принимаемых высшими органами решений путем той или иной подачи материалов, расстановки акцентов и учета всей совокупности обстоятельств, которые могут способствовать, либо препятствовать принятию итоговых политических решений.

Все наиболее важные вопросы внешней политики решаются в КНР узким партийным руководящим органом – Политическим бюро ЦК КПК или его Постоянным комитетом, в состав которого входят ныне 9 членов, проводящие свои регулярные заседания в расположенной к западу симметрично императорскому дворцу Гугун резиденции Чжуннаньхай, также как в свое время ПБ ЦК КПСС в Кремле, еженедельно по четвергам. Примечательно, что семеро из 25 членов нового состава Политбюро, выбранного XVII съездом КПК в 2007 г. являются так называемыми китайскими «принцами» («тайцзыдан»), то есть занимающими высокое положение детьми известных родителей, в отличие от прежнего состава, где таких «принцев» было лишь трое. К этой категории относится и нынешний заместитель Председателя КНР, а в прошлом секретарь шанхайского парткома КПК, Си Цзиньпин – потенциальное «ядро» «пятого поколения», который имеет все шансы стать Генсеком ЦК КПК и Председателем КНР после 2012 г., когда произойдет смена целого поколения высшего китайского руководства. Пост Премьера Госсовета прочат также самому молодому члену ПК ПБ Ли Кэцяну (он 1955 г. рождения и на два года моложе Си Цзиньпина). Время подтвердит мнение экспертов относительно того, что складывается новая система баланса власти между «шанхайцами» и «комсомольцами», (Ли Кэцян в 1980-е годы работал в центральном аппарате китайского комсомола под началом Ху Цзиньтао), обозначаемая формулой «одна партия – две фракции». Так или иначе, каждый из членов Политбюро курирует то или иное направление партийно-государственной

работы, работу отделов и комиссий ЦК и возглавляет периодически обновляемые «Руководящие группы ЦК КПК» по финансам и экономике, по политико-юридическим вопросам, по реформе госаппарата, по идейно-политической работе, по делам Тайваня, по координации преобразования госпредприятий и т.д. В данном случае нас интересует, в первую очередь, *Руководящая группа по внешнеполитическим делам ЦК КПК* (Чжунъян вайши линдао сяоцзю), собирающуюся раз в неделю и обеспечивающую коллективное руководство внешнеполитической деятельностью. Стремясь избежать дублирования и максимально обеспечить концентрацию функции координатора внешней политики КНР в одном центре, ПБ ЦК принимает в 1998 г. решение об упразднении Канцелярии по внешним делам Госсовета, передав ее функции МИД КНР, и создании отдельной Канцелярии при Руководящей группе по внешнеполитическим делам ЦК КПК, что еще более повысило ее значимость. Возглавляет данную Руководящую группу в настоящее время Ху Цзиньтао, замыкая на себя огромную внешнеполитическую бюрократию, занимающуюся сбором и анализом информации из-за рубежа и формированием политических целей КНР на международной арене.

Будучи еще секретарем КПК в Тибетском автономном районе (а начинал он свою номенклатурную карьеру секретарем КСМК – китайского комсомола), он был рекомендован на выполнение миссии «ядра» руководства «четвертого поколения» лично Дэн Сяопином и успешно сменил 76-летнего Цзян Цзэминя в 2002 г., когда Ху отметил свое 69-летие. Кульминацией данной операции «престолонаследия на два поколения вперед» явился XVI съезд КПК, специально «сдвинутый» на ноябрь 2002 г., дабы Цзян Цзэминь смог совершить запланированный на конец октября визит в США в качестве полноправного главы партии, государства и армии, где Ху Цзиньтао был избран Генеральным секретарем ЦК КПК, создав первый в истории КНР прецедент мирной передачи власти одного поколения руководителей страны другому. Тем не менее, ситуация в верхнем эшелоне политической элиты КНР далека от идиллической картины «консультационной гармонии», а спокойную и цивилизованную смену лидера не стоит путать с институционализацией этого процесса, хотя она и показала способность компартии Китая извлечь уроки, как из негативного опыта КПК, так и краха КПСС, «политическую культуру» которых характеризовали «культ личности» и «система пожизненного занятия руководящих должностей». Решение XVI съезда о расширении с семи до девяти

человек высшего партийного органа в лице Постоянного комитета Политбюро, с учетом того, что из прежнего состава в нем остался лишь один Ху Цзиньтао, указывает на сложный организационный компромисс. Неизменным остается как бы «генетически» заложенный в партократию механизм «династийной ротации», при которой, пусть не в жестких советских, а в более завуалированных специфически китайских формах новый лидер делает все, чтобы «затушевать» успехи непосредственного предшественника и, прикрывшись авторитетом «основоположников», создать свою собственную «харизму». Известный как человек, обычно придерживающийся средней линии и избегающий крайностей, Ху Цзиньтао, заняв ключевые посты в китайской иерархии, окончательно вышел из «тени» Цзяна и начал позиционировать себя, а вернее сказать «тандем» Ху Цзиньтао – Вэнь Цзябао, как носителя собственного самобытного политического стиля и методов решения тех или иных, в т.ч. и внешнеполитических проблем, идеологическим обеспечением чему стали теории «гармонизированного совместного развития» и «научной концепции развития»⁸.

Однако отнюдь не пост главы Руководящей группы по внешнеполитическим делам является ключевым, позволяющим монополизировать координацию внешней политики Китая. Здесь мы не можем не остановиться на гораздо более затушеванном и специфическом вопросе о механизме участия в процессе выработки и принятия внешнеполитических решений высшего военного руководства КНР. Особый статус НОАК как партийной армии, имеющей собственный электоральный режим и непропорционально большие квоты представительства в высших государственных органах, подчеркивается существованием высшего партийно-государственного органа – Центрального военного совета, выросшего из структуры Государственного комитета обороны. ЦВС наряду с Военным советом (Военной комиссией) ЦК КПК (по персональному составу оба совета идентичны), ведает всеми вооруженными формированиями страны, в том числе и внеармейскими (народным ополчением, вооруженной народной полицией), а также отвечает за обеспечение усилий по наращиванию «комплексной мощи» и «мягкой силы» Китая. Этот, по сути, единый орган «с двумя вывесками» является на поверку ключевым во властной иерархии КНР, ибо был период, когда пост Председателя КНР (главнокомандующего вооруженными силами по конституции) занимали старейшие деятели партии Ли Сяньнянь, а затем Ян Шанкунь, которые были скорее почетными декоративными фигурами, т.к.

Научные школы МГИМО

в ЦВС председательствовал Дэн Сяопин, являющийся фактическим лидером страны. Не случайно, именно этот пост был последним из высших партийных должностей, который оставил Дэн Сяопин в процессе своего официального ухода с политической арены, а Цзян Цзэминь, оставив пост Генерального секретаря ЦК КПК в пользу Ху Цзиньтао в 2002 г., лишь в 2004 г. расстался с последней должностью Председателя ЦВС, в который входят также 4 заместителя председателя и 4 члена совета. Не случайно также, что всех откровенно интригует вопрос, будет ли Си Цзиньпин избран зампредом ЦВС, ибо именно это обстоятельство станет надежным индикатором того, что очередная операция «преемник» вошла в заключительную фазу. Хотя по Конституции (ст. 29, 93) председатель ЦВС подотчетен ВСНП и его постоянному комитету, а члены ЦВС обязательно присутствуют на сессиях ВСНП и НПКСК, роль ЦВС с его «мозговым центром» в лице Пекинского института международных стратегических исследований явно выпадает из обычного институционального поля, а функции модернизатора оборонного комплекса и соординатора внешнеполитических шагов Китая окутаны пеленой секретности. Видны только внешние проявления «военной дипломатии» КНР, свидетельствующие о небывалой интенсификации военно-политических связей, в т.ч. активизации практики совместных военных учений, участия китайских контингентов в международных миротворческих операциях, а также обмена военными делегациями, в т.ч. взаимными визитами кораблей ВМС, по линии Министерства обороны, Генерального штаба, Главного политического управления с рядом государств, включая Россию, Индию, США и Японию. На сегодня Китай установил и поддерживает отношения по военной линии более чем со 120 странами, аппараты военного атташе созданы при более чем 100 посольствах КНР, свыше 70 государств создали аппараты военного атташе в Пекине. Став важным компонентом реальной государственной политики, военные связи используются в интересах создания благоприятных внешних условий в сфере военной безопасности для реализации национальной стратегии развития и рассматриваются как важное дополнение дипломатических усилий, направленных на развенчание концепции «китайской опасности» и предотвращение вооруженных конфликтов в первую очередь в отношениях с сопредельными странами.

Общее руководство в области сношений с иностранными представителями осуществляет высший орган государственного управления *Госсовет*

(Гоюань) или Центральное народное правительство. Значимость его в рамках политсистемы КНР с переходом к политике «экономической реформы и открытости» и повышением веса экономических задач во внешнеполитической стратегии существенно возросла. Под непосредственным руководством Госсовета в составе Премьера (Вэнь Цзябао), его заместителей, членов Госсовета, министров, председателей госкомитетов, главного ревизора и начальника секретариата (всего 25—30 чел., собирающиеся в полном составе раз в 1—3 месяца) находятся ведомства, осуществляющие повседневную оперативную деятельность по реализации внешнеполитических и внешнеэкономических целей Китая. Как высший государственный административный орган, Госсовет подотчетный в своей деятельности ВСНП, а в период между сессиями ПК ВСНП, определяет задачи и функции, в том числе в сфере международных дел, подчиненных ведомств, непосредственно заключает договоры и соглашения с иностранными государствами, защищает надлежащие права и интересы граждан КНР за рубежом, равно как и интересы зарубежных китайцев — хуацяо. После возвращения под суверенитет Китая анклавов Гонконг (Сянган) в 1997 г. и Макао (Аомэнь), получивших в соответствии с Конституцией статус особых административных районов (ОАР), вопросы их обороны и внешней политики также находятся в ведении Центрального народного правительства. Одновременно с этим, оно уполномочивает администрации ОАР под контролем канцелярий Госсовета по делам ОАР ведать контактами и обменами в экономической, культурной и других «неполитических» сферах, выдавать заграничные паспорта своим жителям и визы иностранцам, поддерживать торгово-экономические и консульские отношения с соответствующими организациями зарубежных государств и международными организациями, а также подписывать с ними соответствующие соглашения, выступая под названиями «Китайский Сянган» и «Китайский Аомэнь».

В рамках политической реформы в КНР, которая по существу свелась к реформе административной, структура Госсовета неоднократно претерпевала изменения. Неизменным остается то, что авторитет правительства и его значимость в международных делах определяется, как и во многих странах Востока, не институциональным оформлением и легитимизацией деятельности того или иного органа, а в первую очередь, влиянием персоны, данный орган возглавляющий. Так бессменным премьером Госсовета со времени основания КНР до смерти в 1976 г. был Чжоу Эньлай, которого поистине считают

«отцом основателем» дипломатии КНР и генератором ее фундаментальных внешнеполитических концепций. Именно по его инициативе при оперативном органе Госсовета Постоянном совещании (Чану хуэйи), которое в составе премьера, его заместителей, членов Госсовета и начальника секретариата заседает 1—2 раза в неделю, была создана Координационная группа по вопросам внешней политики (Вайши коу), обычно включающая в себя курирующего международную деятельность заместителя премьера, министра иностранных дел, министра коммерции (данное министерство курирует внешнеэкономические связи и внешнюю торговлю), директора Китайского Народного банка и руководителей других заинтересованных министерств и управлений. К работе группы часто подключаются главы Госкомитета по науке и технике, Министерства культуры, Министерства образования, Министерства общественной безопасности, Министерства государственной безопасности, созданного в КНР в 1982—83 годах на базе внешнеполитического бюро министерства общественной безопасности и отдела социологических исследований ЦК КПК, председатель агентства Синьхуа, президент Академии общественных наук, а также руководитель Министерства контроля, курирующее систему финансово-контрольных и аудиторских структур в духе традиционного Цензората. Учитывая сложность координации внешнеполитической деятельности центральных ведомств и Канцелярий по внешним связям (Вайши баньгунши) при народных правительствах провинций, автономных районов и городов центрального подчинения на рабочем уровне, иногда могут создаваться временные межведомственные группы. Так, например, подобные группы были учреждены по вопросу о воссоединении Гонконга и Макао, а также в связи с проведением Олимпиады в Пекине. Существуют также временные структуры, такие как, например, Китайский комитет международного сотрудничества по охране окружающей среды и развитию, Китайский комитет международного сотрудничества по снижению последствий стихийных бедствий, двусторонние комиссии – например Китайско-российская комиссия по подготовке регулярных встреч глав правительств и Китайско-российский комитет дружбы, мира и развития. Руководитель постоянной Координационной группы по вопросам внешней политики (ныне ее возглавляет в ранге зам. премьера экс-министр иностранных дел Тан Цзясюань) докладывает на заседаниях Постоянного совещания Госсовета о международных акциях министерского уровня, что превращает совещание в оперативно-практический орган руководства

внешнеполитической деятельностью КНР. По отдельным вопросам внешнеэкономической деятельности Госсовет в рамках системы единоличной ответственности премьера выступает уже не просто исполнительным органом, а носителем инициативы решений, принимаемых на уровне высшего партийного и государственного руководства⁹.

Обеспечить теоретическое обоснование внешнеполитических шагов китайского правительства и координацию планирования исследований в сфере международных отношений призван был созданный в 1979 г. при Госсовете научно-консультационный орган – Центр исследования международных проблем (Гоцзи вэньти яньцзю чжунсин) (12 штатных сотрудников), возглавляемый видным китайским ученым, бывшим журналистом и дипломатом, заместителем председателя комиссии по иностранным делам ВСНП, ранее занимавшим пост вице-президента Академии общественных наук КНР, Хуань Сяном. Практически все основные концепции, освященные авторитетом Дэн Сяопина и легшие в основу внешнеполитической деятельности пореформенного Китая, такие как «независимость и самостоятельность», «мир и развитие», «открытость вовне», «процесс мультиполяризации», «новый мировой политический порядок», «принадлежность социалистического Китая к третьему миру» и др. родились в недрах данного центра, который просуществовал до 1998 года. В структуре Госсовета имеется также исследовательский центр мировой экономики. Оперативно-техническим органом Госсовета являлась до 1998 г. Канцелярия по иностранным делам, аналог которой в функции бюро иностранных дел имеются до сих пор во всех госкомитетах и министерствах КНР. В 1988 г., наряду с Канцелярией по делам хуацяо, при Госсовете КНР была создана также Канцелярия по делам Тайваня, призванная содействовать решению проблемы воссоединения этого острова, выступающего в роли альтернативы китайской государственности и затрагивающего весьма болезненный вопрос легитимности коммунистического режима на материке.

Основным звеном, непосредственно реализующим оперативную деятельность в сфере внешней политики КНР, является *Министерство иностранных дел* (Вайцзяюбу), которое повседневно представляет Госсовет и государство в целом за границей через свои зарубежные дипломатические представительства, а также в Китае в сношениях с послами и представителями иностранных государств, либо аккредитованными в Пекине, либо прибывающими в КНР по тому или иному поводу. На министерство возлагаются задачи

Научные школы МГИМО

по защите интересов КНР и ее граждан во взаимоотношениях с иностранными государствами и международными организациями, координации деятельности различных центральных и провинциальных ведомств во внешней сфере, по подготовке внешнеполитических кадров, разработке архивных материалов и издании официальных материалов в области внешней политики. МИД систематически подготавливает информационные документы для ЦК КПК и правительства и свои предложения по реализации внешнеполитических решений. В компетенцию МИД входит проведение переговоров, заключение международных договоров и контроль за выполнением вытекающих из них обязательств, участие в подготовке международных конференций и т.п. Большое место в деятельности министерства по поддержанию взаимоотношений КНР с различными субъектами международного права, помимо протокольных функций, связанных с приемом высоких гостей и обеспечением зарубежных визитов китайских руководителей занимают вопросы внешнеполитической пропаганды, задачи создания привлекательного имиджа КНР за рубежом, для чего им активно задействуются печать и массмедиа Китая и других стран, работа с дипкорпусом и аккредитованными в КНР корреспондентами, регулярные выступления официального спикера МИД КНР на пресс-брифингах практически по всем вопросам внутренней и внешней политики.

Структура центрального аппарата МИД КНР, важнейшим элементом которого являются оперативные дипломатические департаменты (сы) (территориальные и функциональные), равно как и структура зарубежных посольств и консульств, хотя и претерпела некоторые конъюнктурные изменения, в целом довольно устойчива и не отличается от общепринятой в большинстве стран. Специфика Китая касается скорее процедурных вопросов, а также аспектов традиционно наиболее консервативной сферы культуры и стиля принятия решений, а также дипломатического протокола. Руководящее звено МИД состоит из министра, Паркома министерства с инструктором ЦК в его составе и «Партийной группы руководства» (нынешний министр Ян Цзечи, также как и ряд его предшественников, является одновременно и партийным секретарем), комиссии контроля за соблюдением партийной дисциплины, отдела по работе с более чем 160 партийными организациями загранучреждений, заместителей министра, количество которых варьировалось от 12 до 5, а теперь не превышает 4, помощников министра, его юридических советников и канцелярии, которая обеспечивает проведение 2 раза в неделю заседаний «Руководящей группы

МИД», выполняющий в функции коллегии консультативно-совещательные функции. Министр, помимо выполнения представительских полномочий, присваивает дипломатические ранги сотрудникам МИД и назначает на работу в посольства, представительства и консульства поверенных в делах, советников, секретарей и атташе; выдает консульские патенты и консульскую экзекватуру консулам иностранных государств; скрепляет верительные и отзывные грамоты дипломатических представителей КНР в зарубежных государствах и при международных организациях. Министрами иностранных дел КНР в разное время были Чжоу Эньлай, Чэнь И, Цзи Пэнфэй, Цзяо Гуаньхуа, Хуан Хуа, У Сюецянь, Цян Цичэнь, Тан Цзясюань, Ли Чжаосин. Последний, как и Ян Цзечи, в отличие от Цян Цичэня – советолога и Тан Цзясюаня – япониста, являются карьерными дипломатами-американистами, что лишним раз подчеркивает важность стратегического диалога КНР – США в системе приоритетов внешней политики Пекина. С учетом несовершенства механизма межведомственной координации и отсутствия адекватных форм прямых горизонтальных связей и сотрудничества в области внешнеполитической деятельности различных учреждений на низовом оперативном уровне, значение непосредственно министра иностранных дел и его аппарата в функции централизованной координации при контроле со стороны ЦК КПК, даже при том, что МИД КНР отнюдь не является главным творцом внешней политики страны, достаточно велика. Информация, поступающая из посольств, консульств, постоянных представительств КНР при международных организациях, которая после ее систематизации и анализа в департаментах ложится на стол министра, а затем докладывается им в виде сухих справок на заседаниях Постоянного совещания Госсовета, составляет значительную долю внешнеполитической информации, которой, наряду с дозированными переводами иностранных публикаций, материалами различных научно-исследовательских институтов, данных разведслужб, а также исследованиями отдельных ученых и журналистов, располагает верхний эшелон китайского руководства.

Повседневной оперативной и аналитической работой в МИД занимаются 9 территориальных департаментов, в состав которых входят страновые отделы (чу) (КНР поддерживает дипотношения со 170 государствами): Азии, Западной Азии и Северной Африки, Африки, Восточной Европы и Центральной Азии (он курирует и Россию), Западной Европы, Северной Америки и Океании, Латинской Америки, по делам Тайваня, по делам Сян-гана и Аомэня (в специальных административных

районах имеются представительства МИД КНР), а также 7 функциональных департаментов: Протокольный, Информации, Международных организаций и конференций, Договорно-правовой, Контроля над вооружениями, Консульский и созданный в 2004 г. Департамент политического планирования. К центральному аппарату МИД относятся также несколько постоянных делегаций, уполномоченных представлять КНР на двусторонних переговорах. Техничко-административным обслуживанием МИД занимаются: управления – Административное, Валютно-финансовое; Контрольно-ревизионное; Кадров; недавно преобразованное Бюро по работе с ветеранами; Бюро переводов; Образования и подготовки кадров; Редакционно-издательское бюро, издающее с 1987 г. ежегодники «Дипломатия Китая» и «Материалы по истории дипломатии» (два последних бюро также подверглись административному преобразованию); Отдел по делам китайских миссий за рубежом; Управление гостиниц и резиденций; Управление по обслуживанию дипкорпуса. Недавно было создано новое Управление по делам местных внешнеполитических канцелярий, курирующее зарубежные контакты кадровых работников от уровня провинции и ниже. Быстрота прохождения в структурах МИД потоков документации, содержащей конкретные предложения по совершенствованию двусторонних и многосторонних отношений, зависит от оперативности и четкости работы Канцелярии министерства, достаточно оснащенной современными электронными средствами связи, размножения и хранения информации¹⁰.

Специфика сферы деятельности, а также «тепличный» режим, созданный для его сотрудников высшим руководством предопределили то, что катаклизмы типа «культурной революции», а также административные реформы и массовые сокращения штатов затронули структуру и кадровый состав МИД КНР в значительно меньшей степени, чем аппараты других ведомств. В условиях глобальной меркантилизации международных отношений в 80–90-е годы прошлого века штат министерства был укреплен за счет привлечения ученых экспертов в области мировой экономики, особенно в валютно-финансовой сфере, которые были сконцентрированы главным образом в Бюро исследований в области политики, работающим в оперативном режиме непосредственно на приемную министра. При МИД имеется филиал Высшей партийной школы при ЦК КПК, где с отрывом от производства в течение полугода занимаются до 100 дипломатических сотрудников рангом до 1-го секретаря включительно. Ежегодно 3–4 работника на уровне

замминистра и руководителя департаментов и управлений направляются на учебу в Центральную ВПШ сроком на 6 месяцев. Партийность – важнейшее требование к каждому сотруднику МИД КНР, и без системы партийной работы и учебы, а также годового «добровольного физического труда плечом к плечу с массами» в деревне подшефной МИД провинции Хубэй, обычно после очередной длительной загранкомандировки, немислима карьера китайского дипломата. Задача повышения ответственности, активности и инициативности кадровых работников министерства подчинена и практика периодической «аттестации рабочих мест», поощрения передовиков почетными грамотами, денежными премиями до 30 % от должностного оклада, вывешиванием фотографии на Доске почета, а также досрочным присвоением рангов за успешную работу.

Система набора и подготовки профессиональных дипломатических кадров, как и обучения специалистов-международников в КНР, при всем консерватизме данной сферы складывающейся дипломатической службы нового Китая, переживает процесс некоторой трансформации. В свете разработки «института госслужащих» под руководством созданного в 1988 г. Министерства людских ресурсов, в ведении которого находятся все специалисты ниже уровня замминистра (выше – «номенклатура ЦК КПК»), все претенденты, преимущественно выпускники языковых вузов и факультетов некоторых университетов, отбираются в штат МИД на базе контрактного соглашения на условиях общего конкурсного отбора и единого экзамена, после удачного прохождения ими годичной стажировки в министерстве. Тем не менее, львиную долю сотрудников МИД КНР составляют сегодня выпускники созданного в 1955 г. элитного Дипломатического института, функционирующего в режиме и ведомственного вуза (типа МГИМО), и дипломатической академии. Поставщиками кадров-международников выступают и некоторые ведущие университеты страны, практически при каждом из которых созданы факультеты международных отношений, а также центры исследования международных проблем. Продолжая оставаться элитарной сферой кадровой политики, складывающаяся система дипломатической службы КНР изобилует примерами откровенного карьеризма, nepотизма и приоритета политической лояльности перед профессиональными качествами и компетенциями, что, впрочем, не исключает появление в центральном и зарубежном аппарате внешнеполитических ведомств Китая незаурядных и талантливых дипломатов.

Научные школы МГИМО

Формирующаяся система дипслужбы КНР характеризуется рядом особенностей, не всегда укладываемыми в общепринятые нормы и определяемыми спецификой китайской культуры «стыда» и «стратагемного мышления», детерминирующей особый тип осторожного, бдительного и сдержанного дипломата, озабоченного «сохранением лица», скрытием своих истинных взглядов и достижением компромиссов по иерархии, умением ладить со всеми, а особенно, с начальством, склонностью к секретности, полуофициальности и келейности. Хотя в 1993 г. Дэн Сяопин обратился к внешнеполитическим работникам КНР с призывом «быть как все, не боясь казаться непринужденными и остроумными», на практике сохранился алгоритм «смены масок» и стремление представлять себя в контакте с каждым конкретным иностранцем именно таким, каким, как китайцу кажется, его хотели бы видеть. Касается это и традиционной «сенсорной» манеры в решении рутинных вопросов, а при появлении новой сложной проблемы, если она не имеет стандартного «стратагемного» решения, китайский бюрократ демонстрирует необычайные упорство и неуступчивость, реагирует исключительно рефлекторно на любые предложения контрагента, ожидая инструкции сверху. Поистине сакральной, подобно заповеди, стала для целого поколения китайских политиков и дипломатов формула модели поведения из 24 иероглифов, обнародованная Дэн Сяопином в январе 1992 г.: «Хладнокровно наблюдать, укреплять свои позиции, не терять самообладания, скрывать свои возможности и дожидаться благоприятного момента, стоять на своем, не высываться, но быть готовым к действиям»¹¹.

Зарубежные представительства КНР в целом соответствуют международным стандартам, но укомплектованы они количественно меньше, чем принято, дипломаты до второго секретаря включительно выезжают в длительные командировки без жен, а дипломатам всех рангов не разрешается брать с собой за рубеж детей любого возраста. В тех редких случаях, когда китайский дипломат выезжает в командировку с супругой, ему теоретически предусмотрена определенная надбавка к зарплате, а за женой сохраняется оклад по основному месту прежней работы, но практически все жены дипломатов выполняют ту или иную работу в посольствах и поощряются браки между коллегами по одной международной специальности. Должность дипломата строго соответствует рангу, зависящему, прежде всего, как и зарплата, от стажа работы, а различные формы ротации кадров обычно через 3 года, также как и перемещение послов КНР за рубежом, исходят

из посылки, что длительное пребывание в определенной стране могло бы привести к привыканию и притуплению восприятия событий, а также как профилактика возможных коррупционных схем. По китайскому протоколу верительные и отзывные грамоты представляют собой единый документ, вручаемый вновь назначенным послом. КНР широко использует в дипломатической практике назначение послов по совместительству. Любопытен китайский опыт работы с молодыми специалистами, которые все чаще имеют возможность стажироваться в течение года в вузах зарубежных государств, в т.ч. в МГИМО (У) МИД РФ, а затем, будучи принятыми в МИД, первый год проходят стажировку продолжительностью по 3 месяца в различных подразделениях центрального аппарата или в посольствах и консульствах, и лишь выдержавшие испытательный срок официально зачисляются в штат. Все дипломатические сотрудники в возрасте до 50 лет охвачены различными формами повышения политической и профессиональной квалификации. Расширяются практика привлечения ученых и сотрудников академического комплекса, которые, в первую очередь эксперты в области мировой экономики и валютно-финансовой сферы, периодически направляются «вахтенным методом» на работу в заграничные учреждения и представительства КНР при международных организациях¹².

В функции китайских зарубежных представительств все больше входит изучение конъюнктуры рынка и содействие китайским компаниям в укреплении их позиций в соответствующих странах. Связано это не только с глобальным процессом меркантилизации международных отношений, но и с провозглашенной Ху Цзиньтао концепцией «человек в основе всего», получившей в рамках ставшего «визитной карточкой» Ху тезиса о «гармоничном обществе», воплощенного во внешней политике в лозунг «дипломатия ради народа». Подобно тому, как, обретя после кончины в феврале 1997 г. неформального лидера страны Дэн Сяопина возможность окончательно выйти из тени «патриарха» и полноправно претендовать на роль ведущего идеолога и теоретика партии, Цзян Цзэминь выдвинул в 2000 г. концепцию «тройного представительства» (положения о том, что компартия Китая выступает представителем не только коренных интересов народа страны, но и передовых производительных сил и передовой культуры), лидер «четвертого» поколения руководителей КНР Ху Цзиньтао также страстно желает оставить след в истории со своим теоретическим «брэндом». В свете этого китайские посольства и особенно генконсульства, консульства

и консульские пункты, которых к 2008 г. насчитывалось более 120, начали рьяно демонстрировать свою готовность защищать права и интересы как хуацяо – зарубежных соотечественников, проживающих за границей, так и всех китайских граждан и китайских компаний, испытывающих какие либо проблемы за рубежом. С 2000 г. МИД при содействии Управления по контролю за государственной собственностью за рубежом Госсовета КНР ежегодно издает инструкцию «Компас по консульской защите и поддержке КНР», которая выложена на официальном сайте МИД КНР и в которой содержится информация о содействии китайским фирмам и гражданам за рубежом не только со стороны консульской службы, но и по каналам Министерства внутренних дел, Министерства госбезопасности, Министерства коммерции и др. ведомств. Пекин намерен предпринимать меры по защите прав и бизнес-интересов китайских граждан по всему миру не менее решительные (свидетельством чему может служить, например, жесткость позиции китайских властей в связи с пожаром в общежитии РУДН и недавние событиями вокруг Черкизовского рынка в Москве), чем те, что принимаются в аналогичных ситуациях консульскими и иными службами США и других западных держав¹³.

Использование потенциала науки для достижения целей упорядочения и рационализации внешнеполитической деятельности КНР, особенно в условиях становления Китая мировой державой, может быть, единственной, способной бросить вызов глобальным претензиям США, продолжает оставаться в повестке дня усилий китайского руководства. Целый ряд НИИ, как ведомственных, так и системы Академии общественных наук (учреждена в 1977 г.), а также вузовские НИИ и Центры, подключены к процессу принятия решений по внешнеполитическим вопросам на правах «мозговых центров», призванных, во-первых, давать теоретическое и концептуальное обоснование уже одобренного курса, а, во-вторых, генерировать новый аналитический материал, прогнозируя эволюцию международных отношений и составляя обоснованные рекомендации практическим ведомствам, как на ближайшую, так и на долгосрочную перспективу. Наиболее авторитетными НИИ в сфере мировой политики, являются, помимо двух МИДовских Институтов международных проблем в Пекине и Шанхае (до 1982 г. находились в ведении ЦК), связанный с МГБ КНР и подчиненный непосредственно Центру международных исследований Госсовета Институт современных международных отношений, уже упоминавшийся нами непосредственно

связанный с Министерством обороны и Генштабом НОАК Пекинский институт международных стратегических исследований (именно этот НИИ готовит к изданию выходящую с 1995 г. ежегодную «Белую книгу» по вопросам национальной обороны КНР»), Институт мировой экономики и политики АОН, а также академические Институт США и Институт Центральной Азии и Восточной Европы, занимающийся Россией. Огромный объем ежемесячных журналов, научных вестников и информационных бюллетеней, издаваемый в КНР на международную тематику, а также большое количество телевизионных программ и радиопередач, посвященных анализу мировых проблем, позволяют судить о том, что академические круги еще не стали решающим элементом в формировании внешнеполитического курса страны, в силу присущих китайским специалистам международникам конъюнктурных подходов и строгой автоцензуры, существованием своего рода тематических «священных коров», подмены научной рефлексии политической пропагандой и агитпропом, нежеланием выплескивать полемику по действительно принципиальным вопросам на суд общественности, сохранением бюрократических барьеров, отгораживающих академическую науку от высшего образования и их обоих от внешнеполитической практики. Озабоченность, прежде всего, «невывесением сора из избы» и демонстрацией партийной дисциплины и единства является опасным симптомом, показывающим, что имеет место процесс замещения политико-идеологических споров тщательно замалчиваемыми конфликтами интересов, что, в свою очередь, чревато угрожающим политической стабильности превращением власти в рыхлый конгломерат «групп интересов» или «бизнес-элит».

В заключение констатируем, что, видимо, завершается очередной «цикл» эволюции китайского социума, и мы являемся свидетелями некоего «возвращения блудного сына» после «беспорядочного и аномального» развития на твердую и веками проверенную почву китайской традиции, неизбежным стержнем которой выступает «партия-государство» как носитель монополии на власть и инициативу, и как олицетворение единства власти и собственности, политики и экономики, базиса и надстройки, дополняемого смычкой властной и хозяйственной элит, скрепляемой родственными, брачными, приятельскими и иными узами. Время покажет, является ли сохраняющаяся социально-политическая и политико-психологическая специфика внешнеполитического процесса Китая предпосылкой к «мягкому» включению его в глоболизирующийся

Научные школы МГИМО

и стремящийся к единству мир, или же «гармоничный китайский миропорядок» станет источником новых глобальных потрясений. Очевидно, что необходимыми условиями последовательной и необратимой модернизации в «эпоху Интернета» и в обстановке сегодняшнего быстроменяющегося мира, не в пример «модификации» по-китайски, стремящейся побороть пороки системы, не выходя за ее рамки, являются подлинная открытость, мобильность вертикальных и горизонтальных связей, диверсифицированность общества, его способность моментально реагировать на происходящее и делать мгновенный и правильный выбор из множества альтернативных вариантов.

Vladimir A. Korsun. Foreign Policy Mechanism with the Chinese Specificity

The content of China decision making process and the identity of China's strategem diplomatic are analyzed on the basis of a profound excursus into the history of the "Confucian way of governance", which differs considerably from the European model. In the author's opinion, in China there appeared not a political culture, but a sort of the specific Chinese administrative behavior model based on the "moral consensus" between different clans of elite, which is now led by Hu Jintao. Contemporary partocracy regime of PRC inherited all the negative characteristics of Soviet "nomenclature", but created the specific Chinese model of institutionalization and "soft" harmonization of state and society interests. However, the build-up of China's strategic power and the sophistication of its social-economic structures actualize the necessity for a new nontraditional political system for the timely diagnosing, softening and solving the new domestic and external problems.

Ключевые слова

«китайский мировой порядок», конфуцианское администрирование, республика советского типа, номенклатура, партократия, «народная дипломатия», «Руководящая группа по внешнеполитическим делам при ЦК КПК», ЦВС и Военный совет ЦК КПК, МИД КНР, «24 иероглифа», мультиполяризация и «гармоничный мир»

Keywords

Chinese world order, Confucian way of governance, the Soviet type republic, «nomenclature», partocracy, «peoples' diplomacy», «CCP Central Committee Leading Group on foreign affairs», Military Council, Foreign ministry of PRC, «24 characters», multipolarization and the «harmonised world»

1. Eisenstadt S. The Axial Age: the Emergence of Transcendental Visions and the Rize of Clerics. Archives europeennes de sociologie. 1982. XXIII. № 2. P. 297.
2. Подробнее см.: Корсун В. А. «Китайский мировой порядок»: альтернативная интерпретация исторической трансформации внешнеполитической парадигмы // Китай в мировой политике. М., РОССПЭН, 2001. С. 172—199.
3. См.: Китай и соседи в новое и новейшее время. М., 1982. С. 53—65.
4. См. Meng S. M. The Tzungli yamen: its organization and functions, Harvard (Cambridge, Mass.), 1962.
5. Меликсетов А. В. Социально-экономическая политика Гоминьдана в Китае (1927—1949), М., 1977. С. 253.
6. Подробнее см. David Pong. The Ministry of Foreign Affairs during the Republican Period // The Times Survey of Foreign Ministries of the World. London, 1982. P. 141—143, 146.
7. См. напр.: Barnett A. D. The making of foreign policy in China. Bonidek, London, 1985.
8. Китай: угрозы, риски, вызовы развитию. М., Московский центр Карнеги, 2005 г. С. 49—85.
9. Подробнее см: Как управляется Китай: Эволюция властных структур Китая в 89-90-е гг. XX века. М., ИДВ, 2001. Гл. 3.3.
10. О современной структуре МИД см. Чжан Лили. Вайцзяо цзюэцэ (Дипломатическая стратегия). Пекин, 2007. С. 204—209.
11. Дэн Сяопин вэньсюань (Избранные произведения Дэн Сяопина), Пекин, 1993. С. 320—321.
12. Подробнее см.: Киреев Г. В., Корсун В. А. Дипломатия Китайской Народной Республики // Дипломатия иностранных государств. МГИМО (У), РОССПЭН, М., 2004. С. 182—212.
13. Подробнее о консульской службе КНР см. МИД КНР <http://www.fmprc.gov.cn/chn/lsw/lbsh/default.htm>.